

УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИЕЙ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Шишков В. В.

кандидат политических наук, доцент, доцент юридического факультета имени М. М. Сперанского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 111531, Россия, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 98, корп. 5, кв. 40, fh55@mail.ru

УДК 321
ББК 66.033.1

Цель. Исследование направлено на выявление особенностей институционализации и функционирования системы государственного управления, его механизма в государстве-империи в условиях модернизации.

Методы. Проведенное в статье исследование основывается на методологии исследования модернизационных процессов, осуществлено при помощи методов политологического и ретроспективного анализа, других методов социально-гуманитарных наук, в том числе: социально-философского компаративного (сравнительного), системного.

Результаты. Исследованы процессы модернизации аппарата управления в империях, выявлены их особенности, обусловленные характером отношений центр-периферия, политикой центра империи-государства, направленной на концентрацию политической власти и ресурсов. Проведен сравнительный анализ процессов модернизации имперского администрирования в империях эпохи модерна в зависимости от их типологических черт. Осуществлен политологический анализ дифференциации политического администрирования в отношении периферий. Раскрыты проблемы, связанные с сочетанием территориально-политической унитарности государства-империи и различных форм автономности его периферий, находящие выражение в формировании управленческой иерархии периферий в зависимости от степени их политической удаленности от центра империи.

Научная новизна. Заключается в исследовании влияния модернизации на патриархальные и национально-институциональные имперские системы, институционализацию их административного аппарата управления периферией. В статье рассматриваются и исследуются такие черты имперского управления как: монополия политического центра на ресурсы власти и управления, административная централизация, дифференциация управленческих подходов, иерархизация политической периферии. Делается вывод о сочетании модернизационных и домодернизационных практик управления в гетерогенном политическом пространстве государства-империи.

Ключевые слова: империя, центр, периферия, Российская империя, модернизация.

EMPIRE MANAGEMENT IN THE ERA OF MODERNIZATION: POLITOLOGICAL ANALYSIS

Shishkov V. V.

Candidate of Political Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of the Law Faculty named after M. M. Speransky, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), fl.40, 98, build.5, Entuziastov sh., Moscow, Russia, 111531, fh55@mail.ru

Purpose. The study aims at identifying the characteristic features of institutionalization and functioning of public administration, its mechanism in the empire-state under modernization.

Methods. The research is based on the methodology of researching modernization processes, is carried out using the methods of political and retrospective analysis and other methods of social-humanitarian sciences including socio-philosophical (comparative) system.

Results. The modernization processes of the administrative apparatus in the empire are researched, the specific features are revealed stipulated by the nature of the center-periphery relations, the policy of the empire-state center, aimed at concentration of political power and resources. A comparative analysis of the of modernization processes of the imperial

Шишков В. В.

administration in the empires of the modern era depending on their typological features is carried out. The political analysis of the political administration differentiation in relation to periphery is made. The problems connected with the combination of territorial and political unitary of the empire-state and various forms of the periphery autonomy, expressed in the formation of the management hierarchy of the peripheries depending on the degree of their political distance from the center of the empire are revealed.

Scientific novelty is in researching the impact of modernization on patriarchal and national-institutional imperial systems, the institutionalization of administrative structures of periphery management. The article considers and studies such features of imperial management as: monopoly of the political center for administrative resources, administrative centralization, differentiation of administrative approaches and hierarchization of the political periphery. The conclusion is made about the combination of modernization and pre-modernization management practices in a heterogeneous political space of the empire-state.

Key words: empire, center, periphery, the Russian Empire, modernization.

Система управления государства-империи формируется его политическим центром по мере развития самой империи, распространения ее власти на новые периферии, их включения в «имперское политическое тело». В процессе имперского государственного строительства образуются и получают политико-правовое и административное оформление связи и отношения между центром и разнородной периферией, сегменты которой встраиваются в иерархию центрального подчинения, фиксирующую степень политической удаленности и подчиненности центру. Доминирование центра приобретает, автократический характер только через и благодаря признанию периферией, в целом и отдельными ее составными частями, абсолютного характера его прерогатив в политике и управлении, что составляет характерную особенность империи-государства.

В статье ставится задача проанализировать особенности становления и развития политико-административного механизма управления государством-империей в эпоху модерна, выявить специфику реализуемого управленческого воздействия в гетерогенном политическом пространстве.

Ведущая политическая роль государства выражается посредством его управленческого воздействия, которое в свою очередь реализуется за счет социально-экономических ресурсов, их изъятия и распределения. Имеет значение то, что ресурсы общества, поступающие в распоряжение политической власти, ее органов, должностных лиц, политиков становятся ресурсами политическими. Политические ресурсы – это средства, возможности, имеющиеся в распоряжении политического субъекта для осуществления его деятельности. Для империи-государства проблема ресурсного наполнения функционирования аппарата имперской власти имеет особое значение. Имперское развитие во многом связано с увеличением периферии в связи с чем необходимо постоянное развитие органов регулирования и контроля на периферии, повышение их эффективности. С другой стороны существует проблема

«имперского перенапряжения», связанная с истощением ресурсной базы империи, утратой контроля над важнейшими (прежде всего экономическими, но не только) ресурсами. Другим аспектом имперского перенапряжения является недостаточная скорость внедрения современных механизмов и практик изъятия и использования ресурсов. Особое значение данный аспект приобретает в эпоху модернизации, требующей новой институционализации политической власти и управления, новых ресурсов для их реализации. Имперское перенапряжение ведет к потере эффективности управленческого воздействия центра на периферию и, в конечном счете, к распаду имперской системы.

В своей управленческой деятельности государство реализует цель, замысел, программу социального развития, от эффективности реализации которой зависит развитие общества, его политической системы. Для пространственно-масштабных и разнородных государственных образований, какими являются империи, проблемы, связанные с целеполаганием и реализацией управленческого воздействия, являются одними из наиболее значимых. Как отмечает И. Н. Барциц, «сегодня государство, претендующее на роль мировой державы, с необходимостью обязано предоставить миру свое видение не только экономической деятельности, но и политической, культурной перспективы, пусть спорное и не обязательно общепризнанное» [1, с. 93]. В современных условиях государственное управление, его эффективность в удовлетворении социальных потребностей и интересов выступают важнейшими показателями общественно-политического развития.

Не случайным в этой связи представляется вопрос о выработке норм глобального административного управления и активные попытки США распространить положения своего национального права на международные отношения [2, с. 192–193]. Притязания США на глобальное доминирование предполагают глобальное управление, основывающееся на соответствующих

стандартах. В связи с чем наблюдается навязывание представлений об эффективном государственном управлении, что также говорит об актуальности вопроса, связанного управлением большим и разнородным политическим пространством и его пределами в современную эпоху.

Империя – это сложное государство, которое создается насильственным путем, при этом имея жесткие черты административно-территориального деления, включает в себя множество этносов с их территориями [3, с. 64], организуемыми имперским центром в гетерогенное политическое пространство, характеризующееся стабильностью и упорядоченностью. Стабильность и упорядоченность обширного, неоднородного имперского пространства достигается за счет централизованного установления имперской власти, администрации и законов.

Одной из важнейших характерных черт империи выступает монолитность политической власти, сосредоточенность ее в руках одного лица или одной партии – центра империи, обладающего необходимыми инструментами власти и политики, обеспечивающих мобилизацию ресурсов (экономических, человеческих) и политическую поддержку [4, р. 14]. Центр империи, в масштабе ее политической системы, образует автономную единицу, представленную персоной императора и (или) в центральных политических институтах.

Власть, господство имперского центра приобретают абсолютный характер не только вследствие притязаний на ресурсную монополию. Его господствующее положение в политической системе империи-государства обеспечивается построением политико-административной иерархии, охватывающей все имперское пространство, возглавляемой и завершаемой высшими институтами имперской власти (например, монархом), как реальными носителями суверенитета. Иерархический характер имперской политической системы, замкнутый на центр власти, в свою очередь определяет ее автократический, недемократический характер.

Под центром империи-государства можно понимать политико-административное институциональное (а также сакрально-ценностное), выражение господства имперской метрополии, обеспечивающее сосредоточение и реализацию функций политики и управления в иерархичной имперской политической системе. Тем самым, выражается положение центра как суверена империи-государства, источника политико-административных импульсов (решений, деятельности по их реализации и контролю за исполнением).

Империя как масштабная система чужеродного господства, указывает М. Бейссингер, отличается от других политических форм двумя свойствами: чувством чужеродной, иностранной природы власти;

произвольным, волюнтаристским и корыстным ее применением [5, с. 369–370]. Данные свойства в большей или меньшей степени присущи всем империям-государствам и в значительной степени определяют содержание имперского управления.

Установление имперской власти выражается в доминировании центра над разнородными перифериями, отличающимися этническими, религиозными, языковыми и другими особенностями. В этой связи не случайно А. Кара-Мурза указывает на то, что империи, в отличие от государства-нации, представляют собой политические интегративные формы, «базирующиеся на универсальном, надэтническом принципе «подданства» ... империя объединяет людей через «службу себе» (через «государево дело») [6, с. 96]. В этом противопоставлении империи и нации показан характер имперского доминирования, выступающий императивом управления империей-государством. Империя формирует централизованную и иерархичную систему подчинения периферии своей власти.

Необходимость организации власти над сложным, разноплановым социально-политическим пространством империи, характеризующимся разным уровнем экономического, социального и культурного развития требует от высшей имперской власти сосредоточения в своих руках основных ресурсов и инструментов господства и управления. Управление империей выступает в качестве не просто совокупности административных процессов и механизмов, но является деятельностью по установлению цивилизованного порядка, в рамках которого возможна и достижима унификация общественных отношений в соответствии с имперскими представлениями и интересами.

В эпоху модернизации централизация государственного управления в империях-государствах оказалась первоначально связана с установлением абсолютной монархической власти, обеспечивающей сосредоточение власти в руках монарха, его центрального правительства.

Н. Хеншелл отмечает, что в период раннего Нового времени «абсолютная власть означала «имперский» статус, то есть независимость от какой бы то ни было верховной власти» [7, с. 97]. Суверенность европейских монархий в политико-административном измерении выражалась в централизации власти и сосредоточении ресурсов, обеспечивающих ее реализацию. Модернизирующиеся европейские государства вместе с обретением «имперского», абсолютного статуса своей центральной власти становились на путь поиска, формирования и подчинения собственных внеевропейских периферий. Таким образом, в европейском политическом пространстве формировались основы для модернизации системы государственного управления и ее распространения на колониальные периферии.

Модернизация государственного управления, как показывает Г. Л. Купряшин, означает системные институциональные инновации, в процессе осуществления которых органы государственного управления приобретают инновационную, адаптационную, мобилизационно-распределительную способности, позволяющие согласовать необходимость обеспечить координацию и институциональную автономию, эффективность и подотчетность деятельности государственных организаций, институциональное изменение и преемственность [8, с. 15]. Империи-государства, осуществляя мероприятия по модернизации государственного управленческого аппарата получают дополнительные возможности по укреплению своего господства, выражающиеся в монополизации власти и управления.

В условиях модернизации основным вектором изменений становится реформирование и преобразование институтов управления. Кроме того, существенное значение приобретают «технологические» (набор управленческих технологий, рационализирующих внутренние процедуры деятельности органов власти) и «кадровые» (перераспределение должностей и полномочий между органами власти, формирование бюрократии, ориентированной на ротацию внутри государственного аппарата) инструменты [9, с. 74]. При этом, процесс модернизации неизбежно изменяет характер отношений между субъектом и объектом управления [10, р. 9]. Общая направленность модернизационных изменений состоит в избавлении государственного управления от патримониальных связей и практик.

Эпоха модернизации предъявляла новые требования к системе государственного управления. Без преувеличения можно утверждать, что первыми государствами, столкнувшимися с необходимостью реформирования государственного управления на рациональных началах были империи-государства. Их пространственный масштаб, политико-социальная разнородность и необходимость концентрации ресурсов во многом во имя укрепления и поддержания военной мощи вынуждал искать новые, более эффективные способы управления. Закономерно, что модернизационные преобразования в управлении патриархальных империй-государств, как правило, связаны с конфликтами и кризисами политической власти [11]. В случае ряда империй вызов модернизации государственного управления не получил адекватного ответа.

Пример Османской империи, в которой политическое руководство пыталось найти путь сохранения имперской системы через проведение ряда реформ по европейскому образцу [12, с. 6–8], показывает последствия ограниченной модернизации системы государственного управления в патриархальной империи, сводящийся к эпизодическим реформам. Сохранение патриархального имперского режима, со

свойственным ему сочетанием абсолютной монархической власти и клерикальности с частичными мерами по совершенствованию государственного управления приводит к его децентрализации. Следствием таких непоследовательных шагов по совершенствованию имперского управления стала его дезинтеграция, кризис государственности, истощение прочности и распад имперской системы.

Национально-институциональные империи Запада выигрывали имперское соперничество во многом благодаря оформленности центра в институтах нации-государства. Следует отметить, что процессы формирования государства-империи и государства-нации шли параллельно и постепенно.

Существует мнение, что Британской империи оказалась не свойственна жесткая централизация, скорее ее отличительной чертой выступает «децентрализованное управление» [13, с. 46]. Такая точка зрения может быть справедлива только в отношении самых ранних этапов распространения Британского имперского владычества. Современные исторические исследования показывают, что централизация власти и управления также свойственна Британской империи, как и другим государствам данного типа. Как отмечает А. А. Киселев, фактическое централизованное управление империей было создано премьер-министром У. Питтом-младшим и видным государственным деятелем той эпохи Г. Дандасом на рубеже XVIII–XIX вв. Государственная власть над всеми колониями перешла в ведение Военного департамента (Secretary of State for War) в 1794 г., переименованного в 1801 г. в Департамент военных и колониальных дел (Secretary of State for War and the Colonies) [14, с. 7; 15]. При этом, и в более ранние периоды, в XVII–XVIII вв. Британская империя осуществляла централизованное управление колониями (например, Торговая палата, Американский департамент, секретариат по колониальным делам). Все это указывает на то, что Британская империя имела особенности централизованного управления периферией, связанные с колониальным и заморским ее характером, преобладанием частной инициативы в колониальных проектах. Здесь следует указать, что поскольку Индия рассматривалась в качестве отдельного государства-империи, то ее управление осуществлялось специальными органами центральной и колониальной власти, реализующими более традиционные черты имперского управления. В необходимых и значимых для центра политико-административных вопросах, высшие органы политической власти и администрации Британской империи осуществляли централизованное управление и контроль за образованием и развитием периферий-колоний.

В 50-е гг. XIX в. заверченный вид приобрела структура политического центра империи по

управлению колониями, было создано Министерство по делам колоний (1854 г.), ставшее ключевым ведомством Соединенного королевства [16, с. 85] по решению вопросов, связанных с колониальным управлением. Характерно, что национальное государство – Британия использовало свой сформированный бюрократический аппарат и соответствующие процедуры для колониального управления.

Национально-институциональные империи в большинстве своем пошли по пути учреждения специальных централизованных органов колониального управления. В 1806 британскому примеру последовала Голландия, а во второй половине XIX в. центральное колониальное ведомство появилось во Франции. Германия, поскольку начала колониальную экспансию позже других великих европейских держав, сформировала центральную колониальную администрацию только в начале XX в.. Примерно в это же время орган центрального колониального управления появился в Бельгии [17; 18; 19]. Таким образом, модернизация и национальная институционализация, в части управления колониальной периферии, выразились в формировании специальных государственных органов централизованного имперского управления, что выражало разграничение центра и периферии, подчеркивало политико-административную ее зависимость.

Централизованное управление национально-институциональных империй (прежде всего Британской) обеспечивало, по замечанию Д. Лала, два общественных блага, имевших существенное значение для обеспечения их выживания и целостности. Первое – эффективная система коммуникаций (средство военного и политического контроля, экономической связанности), второе – лингва-франка, общий язык ведения дел как внутри имперской бюрократии, так и между ней и подданными. Двумя главными результатами создания империй было то, что они сохраняли мир и способствовали процветанию своей территории [20, с. 78–79]. Модернизированная система имперского управления обеспечивала возрастание способности «политической системы к урегулированию конфликтов и удовлетворению потребностей различных социальных групп» [21, с. 73]. Включая способности к обновлению, мобилизации и к самосохранению [21, с. 73]. Добавим, что модернизация государственного управления приводит к возрастанию способности имперской системы по концентрации политической власти, ее ресурсов.

Исходя из анализа управления центра Британской империи можно утверждать, что политическая модернизация, приводящая к оформлению нации и ее представительства в высших органах государственной власти и управления обеспечивает высокую эффективность последнего, выражающегося в централизации

имперской власти, сосредоточению в его руках основных ресурсов имперской власти при обеспечении ее способности к обновлению, мобилизации и самосохранения.

В Российской империи, «четко прослеживается приверженность к централизации государственно-административного управления, что объясняется, прежде всего, недостаточной развитостью как общегосударственных институтов управления» [22, с. 26]. Но, несмотря на бюрократизацию государственного управления, формирование отраслевой государственной администрации, а затем и министерств, сложно говорить о всецелой централизации имперского управления в России. Прежде всего, это связано с политико-институциональной неформальностью самого центра империи.

Как отмечает В. Сандерленд невозможно интерпретировать российскую администрацию XVIII в. как стремящуюся сконцентрировать работу по колонизации в руках особой централизованной бюрократии. Но и позже, в XIX в. не было учреждено единой централизованной государственной организации или даже ее подобия для управления колониальными делами, конкретнее колониальными народами. Различные народы империи управлялись в соответствие с их местом жительства, религий, занятиями или неким сочетанием этих признаков и зачастую они попадали в ведение нескольких ведомств одновременно. «Но центрального органа для управления колониальными народами как особой группой не существовало» [23, с. 121]. В основе неготовности российского государства оформить имперское управление наподобие западных империй лежит невыделенность и неформальность центра, нежелание официально признавать колониальный статус периферии.

Управление Российской империи можно охарактеризовать как централизацию, но без центрального органа управления периферией, совмещающую автономию «отдельных национальных окраин, и централизм, унитарность административной системы» [24, с. 29]. Система имперского управления с одной стороны отвечала конгломератной организации империи, включающей народы, разные даже в цивилизационной идентичности. С другой стороны, ее сохранение под давлением самодержавной имперской патриархальности, не допускавшей полноценной национализации и модернизации даже в центре, становилось все более архаичной.

Формальная унитарность Российской империи-государства способствовала тому, что принцип централизма оставался неизменным [24, с. 135] и господствующим. Как отмечает Д. Ливен по сравнению с другими империями в царской России не давали долго работать региональным институтам и не позволяли укореняться

Шишков В. В.

особым политическим идентичностям — отчасти, из принципа, отчасти, чтобы максимально увеличить доходы [25, с. 46]. Самодержавная власть видела в административных институтах и процедурах не только средство своей реализации, но способ обеспечения стабильности имперской системы, основанной на ее монополии на власть, ее ресурсное обеспечение. В условиях патриархального имперского строя конечной управленческой инстанцией выступал монарх, осуществляющий патримониальные и сакральные функции, связанные с сосредоточением ресурсов власти и их распределением.

Российская империя, как и другие империи эпохи модернизации при осуществлении имперского управления стремилась справиться с проблемами, вызванными территориальным масштабом и разнородности входящих в имперские системы сообществ. Выход из данных проблем виделся в централизации имперского управления. В отличие от западных национально-институциональных империй, централизация которых была имела институциональную основу в национальном государстве, Российская империя концентрировала управление в руках самодержавной власти. С одной стороны модернизируя управленческий аппарат, вводя бюрократические принципы его деятельности, а с другой стороны, не допуская такого управления, которое свидетельствовало бы о политико-административном разделении центра и периферии. Их политическое единство, гарантировалось самодержавным правлением, власть которого выступала основой стабильности имперской системы.

Утверждение центра империи в своем статусе осуществляется посредством образования механизма управления периферией, его институциональному выражению. Суверенитет государства-империи для своего полного выражения по отношению к разнородной периферии требует формирования механизма управления, учитывающего, с одной стороны, их гетерогенность, а, с другой стороны, обеспечивающего полноту выражения власти центра государства-империи.

Внутренняя политическая, экономическая, культурная дифференциация имперского пространства обуславливает дифференциацию в механизме имперской администрации и, тем самым, невозможность ограничиваться лишь центральными общеимперскими институтами управления. Сложность управленческих процессов подчеркивается политическими притязаниями периферий, которые представляют собой «ранее независимые или потенциально независимые историко-политические образования» [26, р. 48]. В силу данного обстоятельства центр вынужден постоянно поддерживать и наращивать свое политико-административное влияние на периферии, обеспечивая включенность

последней в общеимперские политические процессы и центростремительную направленность политики.

Центростремительность развития имперской политической системы обеспечивается за счет дифференциации в механизме имперского управления, важнейшей составляющей, которой является политический контроль. Как отмечает М. Дойл, по своему значению для целостности имперской системы политический контроль имеет более определяющее значение, даже по сравнению с экономической зависимостью [27, р. 19]. В условиях разнородности периферии политический контроль становится наиболее существенным элементом государственного управления. Таким образом, административные и контролирующие функции механизма имперского управления дополняют друг друга.

Пространство империи в эпоху модернизации, как отмечает С. Бейкер, может состоять либо — а) из подвластных территорий под эгидой отдельного правителя, причем ни одна из этих территорий не обладает контролем над другими (империи Романовых и Габсбургов), либо — б) из государства-метрополии с территориями, ему подчиненными (европейские колониальные империи) [28, с. 69]. В любом случае имперский суверенитет является внешним условием для периферии. Его выражение в процессах и механизме имперского управления связано с подавлением периферии, изъятием ресурсов, их использованием и распределением. Данное положение находит выражение в конструировании территориальной системы имперского управления.

Относительно конструирования имперского центра и периферии в новых условиях империи направляли свои «материальные и символические ресурсы, чтобы навязать категории, классификационные схемы и способы учета населения» [29, с. 151] для обновления имперской идентичности, соответствующей новым вызовам. Встречая вызовы модерности, империи Запада реализовывали стратегию сочетающую национализацию и колониализм, направленные на четкое разграничение национального центра и инородной периферии [30, с. 400]. На уровне государственного управления выражением данного принципа стала централизация через дифференциацию административных институтов, механизмов и процессов на перифериях.

Итак, содержательно имперское управление выступает выражением центростремительных политических процессов в имперской системе, обеспечивает их и является выражением политической власти центра, имеющей по отношению к перифериям автократический характер. Процессы, связанные с реализацией управления империей, сосредотачиваются в ее центре и реализуются помимо воли периферии. В институциональном отношении центр империи представлен общеимперскими органами власти и управления,

в функциональном отношении имперская власть обладает исключительными административными прерогативами связанными с сосредоточением ресурсов власти и их распределением по имперской иерархии.

Дифференциация управленческих подходов, обусловленная разнородностью имперского пространства, представляется важнейшей составляющей механизма имперского управления. С одной стороны, дифференциация позволяет наиболее эффективно осуществлять управление имперским пространством, допуская различные формы автономии периферий. С другой стороны, дифференциация управленческих подходов обеспечивает формирование имперской иерархии периферий, сохраняет их разделенность через разную удаленность от центра.

В плане организации управления империя представляет собой систему господства одних (центр, субъект управления) над другими (периферия, объект управления), осуществляемую за счет изъятия ресурсов и политической монополии над их распределением. Метрополия империи выражается в политических институтах центра, господствующих в иерархичной имперской политической системе и осуществляющих правление империей в целом и ее периферией. Центр — суверен империи-государства. Авторитарная монополия на власть и ее ресурсы по отношению к имперской периферии определяет порядок управления имперской системой, ее гетерогенный характер становится императивом содержания управления, состоящим в последовательной централизации. Здесь можно привести образное уподобление империи колесу без обода, приведенное А. Мотылем [31, с. 13]. Центр осуществляет построение иерархичной имперской системы управления, при помощи которой достигается концентрация ресурсов власти и их распределение.

Разностатусность периферий в составе империи может получать различное официальное оформление (протекторат, личная уния, наместничество, колония, подмандатная территория, доминион, союзная территория, присутствие имперских агентов и представителей), что является отражением сочетания модернизационных и домодернизационных практик в имперском управлении, и позволяет говорить о гибкости имперской системы администрации, ее приспособляемости к требованиям времени и обстоятельствам. Тем не менее, реализуя свое административное воздействие, империя обеспечивает политический контроль над периферией, конвертируя ее природные, человеческие и иные ресурсы в свой политический ресурс.

Литература:

1. Барциц И. Н. Социальная эффективность государственного управления: модели, критерии, российский опыт внедрения // Проблемы управления. 2011. № 1 (38). С. 92–100.
2. Барциц И. Н. Глобальное управление: требование времени или угроза международному праву // Проблемы управления. 2008. № 2(27). С. 185–193.
3. Гукешоков М. Х., Дышеков М. В. Нетрадиционные формы государственных объединений // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3. С. 59–65.
4. Eisenstadt S. N. The Political Systems of Empires. 2-nd printing. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey, 2010. 574 p.
5. Бейссингер М. Феномен воспроизводства империи в Евразии // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 362–382.
6. Кара-Мурза А. А. Между «империей» и «смутой» // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 6–17.
7. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетей, 2003. 271 с.
8. Купряшин Г. Л. Политико-административные институты модернизации государственного управления: автореферат дис. ... доктора политических наук. М., 2013. 46 с.
9. Плaksin C., Жулин А. Пути модернизации государственного аппарата: административная реформа и реформа государственной гражданской службы // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 73–82.
10. Pye L. W. Political science and crisis of authoritarianism // American Political Science Review. 1990. Vol. 84. № 1. P. 3–19.
11. Crises and Sequences in Political Development / Ed. L. Binder, J. S. Colman, J. LaPalombara, L. W. Pye, S. Verba, M. Weiner. Princeton University Press, 1971. 340 p.
12. Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 188 с.
13. Академический словарь теории и истории империй. СПб.: СПбГУ, 2012. 728 с.
14. Киселев А. А. Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 332 с.
15. Киселёв А. А. Эволюция центральной британской колониальной администрации в XVII–XVIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 30 с.
16. Высокова В. В., Чемякин Е. Ю., Маркушина К. А. Британская империя: становление, эволюция, распад / Под ред. В. В. Высоковой. Екатеринбург: Волот, 2010. 188 с.
17. Histoire de la France colonial origins a 1914 / Eds. J. Meyer et al. Paris: Armand Colin, 1990. Vol. 1. 847 p.
18. Smith W. D. The German Colonial Empire. Chapel Hill, 1978. 274 p.

19. Goor J. van. De Nederlandse Kolonien: Geschiedenis van de Nederlandse expansie 1660–1975. Gravenhage, 1993. 400 p.
20. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
21. Купряшин Г. Л. Модернизация государственного управления: рационализм vs традиционализм // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Выпуск № 4. том 4. 2011. С. 70–82.
22. Лазорин К. Б. Соотношение принципов централизации и децентрализации при построении системы государственного управления в России в XVIII–XIX веках // История государства и права. 2014. № 1. С. 21–26.
23. Сандерленд В. Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансфертов в российской империи / под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. М.: НЛЮ, 2010. С. 105–149.
24. Каменский А. Б. Российские реформы: уроки истории // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 21–39.
25. Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под ред. А. И. Миллера М.: Новое издательство, 2004. С. 71–93.
26. Wank S. The Habsburg Empire // K. Barkey and M. von Hagen (eds.), After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires. Boulder, CO: Westview Press. 1997. P. 45–57.
27. Doyl M. W. Empires. Ithaca. NY: Cornell University Press, 1986. 407 p.
28. Бейкер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, Л. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, Л. М. Семёнова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 67–80.
29. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 131–192.
30. Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 383–418.
31. Мотыль А. Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 248 с.
32. implementation in Russian // Problemy upravleniya. 2011. № 1 (38). P. 92–100.
33. Bartsits I. N. Global government: the demand of our time or threat to international law // Problemy upravleniya. 2008. № 2 (27). P. 185–193.
34. Gukepshokov M. H., Dyshekov M. V. Non-traditional forms of public associations // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. 2010. № 3. P. 59–65.
35. Eisenstadt S. N. The Political Systems of Empires. 2nd printing. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey, 2010. 574 p.
36. Beissinger M. R. The persistence of Empire in Eurasia. // Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism. M.: Novoe izdatelstvo, 2010. P. 362–382.
37. Kara-Murza A. A. Between the «empire» and «turmoil» // Polis (Politicheskie issledovaniya) 1995. № 1. P. 6–17.
38. Henshall N. The myth of absolutism: change and continuity in early modern European monarchy. SPb.: Aleteya, 2003. 271 p.
39. Kupryashin G. L. The political and administrative institutions of the public administration modernization: abstract of the dissert. ...of Doctor of Political Sciences. M., 2013. 46 p.
40. Plaksin S., Zhulin A. Ways of modernization of the government machine: administrative reform and civil service reform // Voprosy ekonomiki. 2008. № 2. P. 73–82.
41. Pye L. W. Political science and crisis of authoritarianism // American Political Science Review. 1990. Vol. 84. № 1. P. 3–19.
42. Crises and Sequences in Political Development / Ed. L. Binder, J. S. Colman, J. LaPalombara, L. W. Pye, S. Verba, M. Weiner. Princeton University Press, 1971. 340 p.
43. Dulina N. A. Tanzimat and Mustafa Reshid Pasha. M.: Nauka, GRVL, 1984. 188 p.
44. Academic Dictionary of theory and history of empires. SPb.: SpbU, 2012. 728 p.
45. Kiselev A. A. The birth of empire. The British national government and colonialism in the XVII–XVIII centuries. Volgograd: VolGU Publishing, 2012. 332 p.
46. Kiselev A. A. The evolution of the central British colonial administration in the XVII–XVIII centuries: abstract of diss. ... of a Cand. Hist. Sciences. Volgograd, 2008. 30 p.
47. Vysokova V. V., Chemyakin E. Yu., Markushina K. A. The British Empire: formation, evolution and decay / Ed. by V. V. Vysokova. Ekaterinburg: Volot, 2010. 188 p.
48. Histoire de la France colonial origins a 1914 / Eds. J. Meyer et al. Paris: Armand Colin, 1990. Vol. 1. 847 p.
49. Smith W. D. The German Colonial Empire. Chapel Hill, 1978. 274 p.
50. Goor J. van. De Nederlandse Kolonien: Geschiedenis van de Nederlandse expansie 1660–1975. Gravenhage, 1993. 400 p.
51. Lal D. In praise of empires: globalization and order. M.: Novoe izdatelstvo, 2010. 364p.

References:

1. Bartsits I. N. Social effectiveness of public administration: models, criteria and the experience of their

Шишков В. В.

21. Kupryashin G. L. Modernization of public administration: rationalism vs traditionalism // *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2011. Issue № 4. Volume 4. P. 70–82.
22. Lazorin K. B. The ratio of the centralization and decentralization principles in developing of the public administration system in Russia in XVIII–XIX centuries // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2014. № 1. P. 21–26.
23. Sunderland V. The Ministry of Asiatic Russia: a colonial authority, never existing, but having all the chances for that // *Imperium inter pares: the Role of Transfers in Russian Imperial History* / ed. by M. Aust, R. Vilpius, A. Miller. M.: NLO, 2010. P. 105–149.
24. Kamensky A. B. Russian reforms: lessons of history // *Voprosy filosofii*. 2006. № 6. P. 21–39.
25. Lieven D. Empire on Europe's periphery: Russian and Western comparisons // *Russian Empire in a comparative perspective: coll. of articles* / ed. by A. I. Miller M.: Novoe izdatelstvo, 2004. P. 71–93.
26. Wank S. The Habsburg Empire // K. Barkey and M. von Hagen (eds.), *After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires*. Boulder, CO: Westview Press. 1997. P. 45–57.
27. Doyl M. W. *Empires*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986. 407 p.
28. Baker S. Russia and the concept of empire // *New Imperial History in the Post-Soviet space: coll. of articles (Library of "Ab Imperio" journal)* / Ed. by I. V. Gerasimov, S. V. Glebov, L. P. Kaplunovskiy, M. B. Mogilner, L. M. Semenov. Kazan: Research Center of nationalism and empire, 2004. P. 67–80.
29. Brubaker R., Cooper F. Beyond «identity» // *Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism*. M.: Novoe izdatelstvo, 2010. P. 131–192.
30. Gerasimov I., Glebov S., Kusber Ya., Mogilner M., Semenov A. New imperial history and the challenges of empire // *Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism*. M.: Novoe izdatelstvo, 2010. P. 383–418.
31. Motyl A. *Ways of empires. The decay, collapse and revival of empires*. M.: The Moscow School of Political Studies, 2004. 248 p.